

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 130.1

О.Г. Мазаева

Г.Г. ШПЕТ И А. БЕЛЫЙ В ФЕНОМЕНОЛОГО- ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ГОРИЗОНТЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА*

В начале XX в. формировались взаимодополняющие феноменолого-герменевтические проекты, которые отражали взаимодействие (и противостояние) с кругом идей Канта и неокантианцев. В этом контексте рассмотрено творчество Густава Шпета и Андрея Белого.

Ключевые слова: феноменология, герменевтика, Серебряный век.

Философия Серебряного века в России представлена плеядой выдающихся мыслителей. Она длится с конца XIX до начала XX – около четверти или трети века. Далее «серебряные нити» в виде тем, проблем, способов их решений можно обнаружить в пределах репрессированной философии: и той, что была в изгнании, и той, что с «изъятиями и поражениями в правах» продолжала существовать в Отечестве.

По значимой для того времени проблематике приоритет принадлежал русскому религиозно-философскому ренессансу. Притяжение (а порой и отталкивание от) этого круга идей было столь велико, что в большей или меньшей мере, сразу или постепенно, так или иначе, свою причастность к религиозно-философским или духовным исканиям обнаружили почти все представители интеллектуального сообщества.

И в то же время среди философских устремлений эпохи, пожалуй, не было таких, которые не нашли бы отклика, отражения и выражения в философии и философствовании отечественных философов. Из всего многообразия этих устремлений особенно востребованными оказались позитивизм, неокантианство и феноменология.

Очерчивание и осознание представителями указанных направлений своих границ определялось:

- отрицанием прежней метафизики и панлогизма философии Гегеля;
- оппозицией и своеобразным усвоением идей философии жизни;
- противостояниями позитивизма, неокантианства и феноменологии друг другу;
- разнообразием проектов внутри каждой из этих традиций;
- движением в направлении к новой онтологии и к новой метафизике.

* Доклад на международной конференции «Густав Густавович Шпет и его наследие» (Франция, Бордо, 21–24 ноября 2007 г.). Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № НШ-5887.2008.6.

В развитии европейского философского рационализма это время можно обозначить как «позитивистско-неокантианско-феноменологический этап». Причём если в последнюю треть XIX в. доминировали позитивистско-неокантианские, то в первую треть XX в. – неокантианско-феноменологические взаимодействия и противостояния.

В философских произведениях этого периода особое внимание уделялось проблемам философии и методологии науки, проблемам предмета и метода как философии, так и отдельных наук, исследованиям особенностей философского и специально-научного знания. Об этом свидетельствуют труды позитивистов, критика их идей русскими философами, в частности – В.В. Лесевичем, В.С. Соловьёвым, Б.В. Яковенко, Г.Г. Шпетом и другими [1–7]. Эти проблемы обсуждают неокантианцы Баденской (или Фрейбургской) и Марбургской школ, представители феноменологического движения, которое начало формироваться вокруг Э. Гуссерля в Гёттингене. Во всех философских центрах Германии живое участие в критическом усвоении, оригинальном развитии, исследовании, распространении этих идей принимали студенты и диссертанты из России. Важный для размышлений материал дали им непосредственное общение, переписка с коллегами, профессорами Германии, философская публицистика тех лет (особенно русская редакция международного журнала «Логос», других журналов).

Повышению философской образованности и активизации философского творчества в России способствовали переводы на русский язык статей, книг по актуальной философской и историко-философской тематике, их издание, комментирование, рецензирование. Такую же роль играли философские доклады и рефераты для различных аудиторий – выступления и дискуссии на заседаниях и журфиксах: в салонах меценатов, в домах профессоров, писателей, в издательствах, редакциях журналов, в литературно-художественных и философских объединениях: в Москве – в Литературно-художественном кружке (1899–1920 гг.), Религиозно-философском обществе памяти Владимира Соловьёва (1905–1918 гг.), в Обществе свободной эстетики (1906–1917 гг.); в 1921–1929 гг. – в Российской академии художественных наук (РАХН), именуемой с 1927 г. государственной (ГАХН) и др.; в Петербурге (Петрограде) – в Философском обществе при Императорском университете (1897–1922 гг.), в Религиозно-философском обществе (1907–1917 гг.), в Санкт-Петербургском философском собрании (1911–1914 гг.), в Петроградской Вольной философской ассоциации (Вольфила) (1919–1924 гг.) и др.

Среди многочисленных философских текстов большой интерес в России вызвали статьи и речи баденского неокантианца Вильгельма Виндельбанда, вошедшие в сборник «Прелюдии» [8], книги другого представителя этой же школы – Генриха Риккерта. В своей работе «Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания» он писал, что «только в теории познания можно найти основание для научной философии...» [9. С. 18]; перевод этой книги, выполненный Г.Г. Шпетом, вышел в Киеве в 1904 г. В предисловии к первому изданию (1892 г.) Г. Риккерт благодарит за свой переход к неокантианству В. Виндельбанда, оказавшего решающее влияние на него, как «на глубоко укоренившегося в позитивизме студента» [9. С. 15]. Нельзя не отме-

тить также книгу Г. Риккерта «Границы естественно-научного образования понятий», первая часть которой вышла в 1896 г.; вторая – в 1902 г. (второе издание – 1913 г.). В переводе на русский язык А.М. Водена (1903 г.) эта книга издана в 1904 г. в Санкт-Петербурге [10].

Рецепция и развитие идей марбургцев – Германа Когена, Пауля Наторпа, Эрнста Кассирера – представлены в трудах русского неокантианца Б.А. Фохта [11], в материалах из архива Б.Л. Пастернака [12], в историко-философском исследовании Н.А. Дмитриевой [13. С. 452–459] (в разделе «Литература» она дала перечень переведённых на русский язык работ марбургских неокантианцев).

Отечественная традиция феноменологической философии, имевшая свою предысторию, заявила о себе в XIX в. статьями В.С. Соловьёва 90-х гг. С.С. Хоружий отмечал, что «в рефлексии опытных оснований и самого философского акта, проделываемой, в особенности, в «Теоретической философии», Соловьёв отчётливо выходит на позиции феноменологии» [14. С. 15]. В 1900–1910-е гг. русские философы были вполне готовы и весьма восприимчивы к феноменологии. Большое влияние на них оказали лекции и труды Эдмунда Гуссерля «Логические исследования», первый том которых «Прологомены к чистой логике» вышел 1900 г. (в 1909 г. русский перевод выполнил Э.А. Бернштейн, редакцию и предисловие – С.Л. Франк). Второй том – «Исследования по феноменологии и теории познания» – появился в 1901 г.; первый перевод на русский язык выполнен только в 2001 г. В.И. Молчановым, причём пока представлено пять исследований из шести. В 1911 г. в журнале «Логос» вышла программная статья Э. Гуссерля «Философия как строгая наука», а в 1913 г. – «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. I. Общее введение в чистую феноменологию», или «Идеи I» [15–17]. Работы немецких мыслителей русские философы читали в оригинале. Г.Г. Шпет в своих трудах проработал и по-своему развил идеи этих работ Э. Гуссерля.

В XX в. появляются разнообразные феноменологические проекты. Если в трудах позитивистов и неокантианцев того времени возобладали гносеологизм и методологизм, то феноменологи, по-своему решая методологические и гносеологические проблемы, чем дальше, тем больше проявляли интерес и склонность к новой онтологии и новой метафизике. Это время встречи и слияния феноменологии и герменевтики.

Феноменолого-герменевтический горизонт Серебряного века формируется усилиями ряда русских мыслителей. Среди них – Г.Г. Шпет (1879–1937), Б.Н. Бугаев (Андрей Белый) (1880–1934). Назовём также имеющих отношение к нашему сюжету, к неокантианско-феноменологическому кругу идей «логосовцев» Б.В. Яковенко (1884–1949) и Ф.А. Степуна (1884–1965).

Произведения этих авторов, созданные в первую треть XX в., вполне обнаруживают доминирование неокантианско-феноменологических взаимодействий и противостояний. Каждый из них или прошёл через кантианский период в своём философском развитии, или оставался в период своих феноменологических штудий, хотя бы частично, приверженцем философских идей И. Канта и неокантианцев. Мотивировку и суть отношения к традиции канти-

анства (важных в философском самоопределении названных философов) невозможно раскрыть, не опираясь как на самые общие различия их позиций, так и на разнообразие формирующихся в то время проектов: неокантианско-феноменологического (Б.В. Яковенко) и различных между собой феноменолого-герменевтических (Г.Г. Шпета, А. Белого и Ф.А. Степуна).

Необходимо отметить, что для Г.Г. Шпета и Б.В. Яковенко характерны логико-гносеологический пафос, историко-философское и теоретическое рассмотрение разбираемых проблем, причём у Г.Г. Шпета преимущественно – логический, а у Б.В. Яковенко – гносеологический разворот движения мысли. А. Белому и Ф.А. Степуну присущи, условно говоря, эстетический гнозис и практическое выражение герменевтического постижения мира, которые у А. Белого опираются на звуковое, а у Ф.А. Степуна – на живописное начало; их теоретические рассуждения и историко-философские экскурсы тоже по-своему глубоки и интересны, но в теоретико-философском плане не всегда самоценны.

Г.Г. Шпет свободно ориентировался в сложившейся к началу века философской ситуации, отчётливо представлял силу и слабость любой позиции. А. Белый подчёркивал готовность и умение Г.Г. Шпета протыкать рапирой насквозь «любой философский фрак», не исключая «фрейбургского фрака» самого А. Белого. Будучи сторонником профессионализма и даже академизма в своём деле, Г.Г. Шпет не раз советовал А. Белому оставить философию. Хорошо, что А. Белый не внял совету и до нас дошла его философская эссеистика, живой опыт неповторимого философствования. Для Г.Г. Шпета же философствование было чем-то не совсем обязательным, а профессионально – скорее недопустимым.

...И всё же философия Г.Г. Шпета и Б.В. Яковенко, философствование А. Белого и Ф.А. Степуна (прежде всего их эстетический гнозис) – два взаимодополняющих способа формирования феноменолого-герменевтического горизонта. Г.Г. Шпет дал теоретическую разработку основных тем и проблем феноменологии и герменевтики; А. Белый и Ф.А. Степун выступили выразителями уникальной творческой реализации феноменолого-герменевтических проектов, обнаруживая осознанную сопричастность именно такому способу постижения мира. Их эстетический гнозис представлен по-разному. Ф.А. Степун обладал удивительным герменевтическим умением, которое связано со стремлением к визуализации образа, практикой «портретирования»; для А. Белого особое значение имело звукообразное начало в творчестве и герменевтическом постижении мира.

Отличие позиции Г.Г. Шпета состоит в более резком, чем у А. Белого, Ф.А. Степуна и Б.В. Яковенко, отмежевании феноменологии от философии Канта и неокантианцев. Г.Г. Шпет признавал частичную ценность позитивизма и неокантианства в критическом плане (например, в отношении к старой метафизике), но считал эти традиции бесплодными для достижения целостного, цельного и конкретного философского знания. Для Г.Г. Шпета философия – не монолог, а драма взаимодействий – идей, традиций. Феноменологию он включал в положительную, а кантианство в отрицательную фило-

софскую традицию [18]. Основным недостатком кантианства он считал получение абстрактного и отвлечённого знания.

Противопоставляя традицию позитивной философии (от Платона до Гуссерля) традиции негативной философии (квинтэссенция её – кантианство), Шпет писал, что только от Платона начинается «явная невозможность смешать философию с иными видами и типами нашего знания! И тут самый надёжный критерий положительной философии... *философское знание есть всегда и по существу знание конкретное и цельное*. ...Но нельзя игнорировать и голосов отрицательной философии – «злодеев» её драматического действия, – иначе из развития философии пришлось бы выбросить Протагора, Канта, Кондильяка, Спенсера и многих других... как же отличить отрицательную философию? ...признак (её. – *О.М.*) всегда – отвлечённость, это философия отвлечённая. ...Нередко она ставит новые проблемы и выделяет новые стороны, – не следует только выдавать частное, частичное и отвлечённое за полное и целостное: в этой подделке – зло отрицательной философии» [19. С. 193–194]. Духовное единство положительной философии Г.Г. Шпет связывал с преемством живого творческого движения мысли не только в западной, но и в отечественной философии, имея в виду идеи П.Д. Юркевича, В.С. Соловьёва, Л.М. Лопатина, С.Н. Трубецкого и др. [19. С. 199].

Г.Г. Шпет с 1911–1912 гг. осваивал философские проблемы и разрабатывал их в русле феноменологии. Философское творчество Б.В. Яковенко («О задачах философии в России», 1910 г.; «О положении и задачах философии в России», 1915 г.) опиралось на идеи марбургских неокантианцев и Э. Гуссерля [20. С. 5–42]. Оба выступали за рассмотрение «философии как строгой науки»; схож их пафос отрицания психологизма и философии как мировоззрения [20. С. 653–660, 711–739]. Г.Г. Шпет дал основательную критику кантианства, подробно разобрал идеи представителей баденской школы в ряде своих произведений, в частности в работе 1916 г. – «История как проблема логики» [6]. Он явился сторонником категорического различения позиций феноменологии и кантианства. Б.В. Яковенко выступил скорее сторонником сближения феноменологии и марбургского неокантианства.

Ф.А. Степун (в данном случае, как и Б.В. Яковенко) исходил из близости феноменологии и неокантианства, обусловленной трансцендентализмом, обращался к ним как к методологически пригодным средствам для решения своих исследовательских задач. Неокантианские мотивы присутствовали у него в анализе ценностей, причём его анализ ценностей вполне оригинальна, отличаясь от учения о ценностях представителей Баденской школы В. Виндельбанда и Г. Риккерта. Ф.А. Степун пытался избежать свойственной им узости гносеологизма и методологизма, имел достаточно сильные допущения метафизического и феноменологического толка. Он не стремился ради неокантианской правоверности пренебречь другими философами или их сопряжением. Когда формировалась русская редакция журнала «Логос», В. Виндельбанд прозорливо шутил: «Будьте осторожны, вы ещё причалите у монахов» и опасался, по словам Ф.А. Степуна, «что мы, его ученики, изменим идеям критического кантианства» [21. С. 136]. Кант для Ф.А. Степуна – воплощение «логической совести» и симптом разложения «чувства подлин-

ного бытия». Основанием подлинного бытия, по Степуну, являлась мистическая глубина – корень его религиозно-философской метафизики.

Об отношении Андрея Белого к Канту и неокантианству свидетельствуют его труды: стихи, автобиографическая проза, литературные произведения, философская публицистика и эссеистика, архивные материалы, например: «Три способа Кантианского выведения позиции доктора Штейнера» [22], книги «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» (1916 г.) [23] и «О смысле познания» (1917–1922 гг.) [24], а также воспоминания об А. Белом.

В ранней юности А. Белый прочёл «Критику чистого разума» И. Канта; составил проект самообразования, по которому после изучения естественно-математических наук планировал поступить на философское отделение историко-филологического факультета; поступив в 1904 г., понял, что его философская образованность превышает те знания, которые он мог бы получить там, и 19 сентября 1906 г. А. Белый написал заявление об увольнении из университета.

Восприятие И. Канта «странно двоится». А. Белый не может обойтись в решении философских проблем без обращения к нему и в то же время постоянно «воюет» с ним. В 1904 г. в «Весах» появилась статья А. Белого «Критицизм и символизм. По поводу столетия со дня смерти Канта» [25. С. 555–564; 886]. Пафос признательности довлеет (как и в случае первых откликов А. Белого на смерть А.А. Блока). Здесь много позитивного о Канте и кантианстве, критицизму отведено место между догматизмом и символизмом (главным отличительным признаком последнего является мистицизм). Автор ссылается на своё постижение Канта в духе А. Шопенгауэра. Вместе с тем в статье присутствуют оригинальный взгляд на учение Канта, своё понимание и критика позитивизма вообще, энергетизма В. Оствальда в особенности; указание на параллелизм данных метафизики и физики. Дана характеристика дальнейших путей развития философии, того пути, который выбирают символисты, называемые часто «декадентами»: «Мы, – писал он, – «декаденты», «потому что отделились от цивилизации без Бога, без откровения» [25. С. 564]. Для А. Белого (как для Г.Г. Шпета и для всей отечественной философии, идущей за В.С. Соловьёвым) установка на достижение конкретного, цельного знания – аксиоматична; а абстрактность, отвлечённость, логизм, схематизм, подмена целого частью – знаки критики кантианства, присутствующие во многих работах, в книгах: «Символизм», «О смысле познания» и др.

К 1908–1909 гг. ироничное отношение А. Белого к кантианству нарастало и просквозило в стихотворном цикле «Философическая грусть»: «Но “Критики” передо мной – / Их кожаные переплёты... / Вдали – иного бытия / Звездочитые убранства... / И, вздрогнув, вспоминаю я / Об иллюзорности пространства» [26. С. 247]. В стихах «Премудрость», «Мой друг» дан шаржированный образ неокантианца Б.А. Фохта: «”Жизнь, – шепчет он, останись / Средь зеленеющих могил, – / Метафизическая связь / Трансцендентальных предпосылок. / Развеется она как дым: / Она не жизнь, а тень суждений...” / И клонится лицом своим / В лиловые кусты сирени»; неокантианец Г. Коген представлен здесь как «творец сухих методологий» [26. С. 245]; в стихотво-

рении «Мефистофель» (1908 г.) и в варианте стихотворения «Искуситель» (1923 г.) иронически противопоставлены И. Кант и Г.С. Сковорода: «Оставьте... В этом фолианте / Мы все утонем без следа!.. / Не говорите мне о Канте!! / Что Кант?.. Вот... есть... Сковорода, / Философ русский, а не немец!!!» [27. С. 610].

А. Белый считал, что он (как и все) должен бороться с Кантом, усвоив его язык, терминологию, бороться с ним его же орудиями. По А. Белому, в начале XX в. язык любой философии «кантианизировался»; он писал: «Не сестя за детальное изучение Канта, ...когда сами термины Канта оказывались дипломатическим языком, на котором общались различия всех направлений мыслительных, – было почти неприлично» [28. С. 174].

Модуляции философских тем, навеянных И. Кантом и неокантианцами, присутствуют у А. Белого в книге о Р. Штейнере и Гёте; здесь встречается множество апеллиций к Канту, красноречивы названия параграфов: «Гёте и Кант», «Кантианство и “флейта”», «Кант и Веданта» и т.д. Позднее, в лекциях и работах 20-х гг., в книге 1926–1931 гг. «История души самосознающей» [28] внимание к кантианству предельное.

Для А. Белого проблема Канта – острая тема. Всю жизнь он «воюет» или «выясняет отношения» с ним. Кант выступал в неожиданных, но у А. Белого часто вполне убедительных амплуа. Он – и «Кощей бессмертный» – в неистребимости своей, и «Пиковая дама» – в загадочности своей, и даже «Кёнигсбергский китаец» – в перспективе «совместимости несовместимого» (по В.Ф. Ходасевичу), «атипичных синтезов» (по Ф.А. Степуну) или «судорожных обхватов непримиримостей» (по С. Аскольдову), уникальной способности А. Белого творить и раскрывать новые конкретные смыслы.

Страницы о Канте в статьях и книгах А. Белого – это не только апология Канта (и даже себя – А. Белого, что может быть отдельной темой), но и – инвектива в адрес Канта, точнее «запуганного Кантика», который «ужасно разъялся в чудовище многоголовое, может быть и обитавшее в недрах полусознания Канта (оно всё же из *них* вылезало!)...» [28. С. 181]. Не касаясь здесь антропософских соображений А. Белого, укажем на «разъявшегося» Канта, впадающего в грех логизма, забывшего о целостности души (тема разъятости и разомкнутости – тоже отдельная тема), на Канта, способного затягивать «в ничто», т.е. в ту судьбу, которой со своей «метафизикой небытия» не избежал и сам А. Белый. «Кант нашей недавней эпохи – *разъявшийся* Кант, – писал А. Белый, – <...> стал «*кантом*» провала душевных пространств, *окаймляющих сверху – границу духовного мира*, который в раскрытиях Канта есть мир познавательных форм, *окаймляющих снизу – границу телесного мира*, который есть мир содержания (всё выделено мной. – О.М.); в Канте оно – только чувственность; всё же пространство 3-х душ (ощущающей, самосознающей, рассудочной) стало ничем: пустотой, дырой; оказалось поставленным в месте провала души; и пока молодой Гёте строил его (великолепное здание о трёх этажах. – О.М.) – до него ещё Кант своей мыслью железною съел почву здания Гёте; всё здание Гёте в разъятиях Канта – ничто: пустота, мир иллюзий; <...> так вместо “души” появился продукт лишь смешения функций рассудка и чувственности, относимой к телесному

миру; смешением биологии с логикой стала душа; в ней – культура; в культуре история; Гётево здание в Канте – лишь мыльный пузырь, многокрасочно переливающийся, чтобы лопнуть в ничто» [28. С. 182].

В блестяще шаржированном изображении Канта присутствует звуковое оформление восприятия Канта (в «барабанную перепонку» ударяют представители «кантовой церкви», но не сам Кант; а сам Кант с гениальным «косноязычием» и с особой скромностью сел в тени своей третьей критики, чтоб никто не заметил... его «революционности»). «Все великие люди истекшего века, – читаем далее, – все они *вскрик*: “Кризис, кризис – сознания, жизни, культуры, души: кризис лика земли, лика мира!” (выделено мной. – О.М.)» [28. С. 190]. Здесь даём только штрих – указание на смысловое значение звукового оформления в выражении восприятия А. Белым И. Канта.

Обнаруживаемая в кантианстве тенденция к «ничто» ведёт к упразднению метафизики и онтологии старого типа. Метафизический символизм Ф.А. Степуна (его портретное творчество) и А. Белого (в звукообразном виде) являет собой новую метафизику. Причём демонстрируются разные стороны метафизического символизма и в его пределах представлены как бы разные полюса. Ф.А. Степун уходит всё далее в сторону религиозно-философской метафизики, к идеям положительного всеединства, возможно, по линии от Соловьёва к Хомякову; А. Белый устремлён к «метафизике небытия».

Онтологический и лингвистический поворот XX в. связан в немалой степени с поисками А. Белым и Г.Г. Шпетом новых путей в этом направлении. Движение от феноменологии к онтологии (в случае Г.Г. Шпета – к социальной, в случае А. Белого – к экзистенциальной) с неизбежностью вело к герменевтике.

Проблема онтологии социальности представлена Г.Г. Шпетом на её разных уровнях: философском, методологическом, научном; уделено внимание выделению среди социальных наук основной науки – «истории». Онтология социальности у Г.Г. Шпета эксплицируется путём раскрытия смысла социальности через энтелехию, через соотношение цели и средства; через организации; через характеристику вещи, свойства, отношения; через знаковую природу социальности и соотношение знака – значения – смысла; отсюда – выход к проблемам смысла и языка, мысли и смысла, выход к онтологии языка и герменевтическим проблемам.

Экзистенциальная онтология А. Белого – поиск путей адекватного, если не сказать *аутентичного*, выражения подлинного существования, и здесь язык, онтология языка представлены и раскрываются по-своему.

Оба пришли к философии языка. У Г.Г. Шпета – анализ логических возможностей языка; главное у него – мысль, понятие. Тогда как у А. Белого – «симфонии», «глоссолалия»; главное у него – слово, внимание к звуку. Проблема выразимости решалась у него как проблема поэтической данности; отсюда ритм – жест, вариации на музыкальную тему.

В связи с этим заслуживает внимания мысль Л. Силард о том, что предметом специального анализа должен стать «факт продолжения неявной полемики между Г. Шпетом и Вяч. Ивановым (а также, заметим, и А. Белым. – О.М.) касательно предельности значений слова и вытекающих из этого выво-

дов о предмете и горизонтах герменевтики» [29. С. 26]. Здесь речь может пойти об ориентированности на однозначность смысла в герменевтике Г. Шпета, с одной стороны, и о многозначности смысла в мифо-символической герменевтике А. Белого и Вяч. Иванова – с другой. Но это сюжет отдельной работы.

Литература

1. Лесевич В.В. Опыт критического исследования основоначал позитивизма. СПб., 1877. Т. XI. 295 с.
2. Соловьёв В.С. Критика отвлечённых начал // Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 581–756.
3. Соловьёв В.С. Кризис западной философии (против позитивизма) // Соловьёв В.С. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 3–138.
4. Яковенко Б.В. Позитивизм и философия // Яковенко Б.В. Мошь философии. СПб.: Наука, 2000. С. 636–650.
5. Шпет Г.Г. Мудрость или разум? // Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 222–336.
6. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы: В 2 ч. / Под ред. В.С. Мясникова. М., 2002. С. 41–52, 580–627.
7. Шпет Г.Г. Герберт Спенсер и его педагогические идеи // Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis*: Избранные психолого-педагогические труды / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 49–90.
8. Виндельбанд В. Прелюдии / Пер. с нем. С.Л. Франка. СПб., 1904. 374 с.
9. Риккерт Г. Введение в трансцендентальную философию. Предмет познания / Пер. Г. Шпета // Риккерт Г. Философия жизни. Киев: Ника-Центр, 1998. 512 с.
10. Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб.: Наука, 1997. 532 с.
11. Фохт Б.А. Избранное: Из философского наследия. М.: Прогресс-Традиция. 2003. 456 с.
12. *Fleishman Lazar, Harder Hans-Bernd, Dorzweiler Sergei*. Boris Pasternaks Lehrjahre. Неопубликованные философские конспекты и заметки Бориса Пастернака. Stanford, 1996. Т. I. 398 с.; т. II. 402 с.
13. Дмитриева Н.А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М.: РОССПЭН, 2007. 512 с.
14. Хоружий С.С. Наследие Владимира Соловьёва сто лет спустя // Соловьёвский сборник: Матер. междунар. конф. «В.С. Соловьёв и его философское наследие». Москва, 28–30 августа 2000 г. М.: Феноменология–Герменевтика, 2001. VI. 516 с.
15. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1): Логические исследования. Т. II (1) / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 471 с.
16. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос: Международный ежегодник по философии культуры. 1911. Кн. 1. М.: Территория будущего, 2005. С. 1–56.
17. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 / Пер. с нем. А.В. Михайлова. Вступ. ст. В. Куренного. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 336 с.
18. Шпет Г.Г. Работа по философии // Логос: Философско-литературный журнал. М., 1991. № 2. С. 215–233.
19. Шпет Г. Мысль и слово. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с.
20. Яковенко Б.В. Мошь философии / Вступ. ст. А.А. Ермичева. СПб.: Наука, 2000. 975 с.
21. Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 1994. 651 с.
22. РГБ. Ф. 25. Карт. 37. Ед. хр. 6.
23. Белый А. Собрание сочинений. Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. Воспоминания о Штейнере / Общ. ред. В.М. Пискунова. Сост., комм., послесл. И.Н. Лагутиной. М.: Республика, 2000. 719 с.
24. Белый А. О смысле познания. Минск: Полифакт, 1991. 64 с.

-
25. Кант: pro et contra / Сост. А.И. Абрамов, В.А. Жучков. Предисл., комм. В.А. Жучкова. СПб.: РХГИ, 2005. 928 с.
 26. *Белый А.* Собрание сочинений. Стихотворения и поэмы / Общ. ред. В.М. Пискунова. Сост., предисл. В.М. Пискунова, комм. С.И. Пискуновой, В.М. Пискунова. М.: Республика, 1994. 559 с.
 27. *Белый А.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост. Т.Ю. Хмельницкой. М.; Л.: Советский писатель, 1966. 656 с.
 28. *Белый А.* Душа самосознающая / Сост. ст. Э.И. Чистяковой. М.: Канон +, 1999. 560 с.
 29. *Силард Л.* Герметизм и герменевтика. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 328 с.